

Записки Андрея Артамоновича Матвеева

По том же вышереченном избрании и наречении *Его Высокопомянутого Величества* от противныя стороны некто Максим Исаев сын Сумбулов, в туже пору будучи в городе Кремле при собрании общем с своими единомышленниками гораздо из рядового дворянства продерзливо кричал, что по первенству надлежит быть на Царстве Государю *Царевичу Иоанну Алексеевичу* всея России. За что он Сумбулов потом награжден был чином полатным думного дворянства, о чем подлиннее объявлено будет на своем месте в сей же истории ниже сего, но той голос их ни во что тогда не успевал же, ибо природныя Его Государя Царевича от младенчества своего многообразныя скорьби до того Царскаго возвышения весьма не допускали, о чем пространнее объявлено будет ниже сего.

Та вышепоказанная ненависть по слову Святаго Хризостома, или Златоустаго: неведуще полезных предпочитати: по возвышении того Самодержавнаго Высокоименитаго Государя на Прародительский Всероссийскаго Царства Престол, все то из скрытных и из глубоких мест, присматривая оной вышепомянутой Государственной и совершенной впредь прочно всей России надежды и твердой ограды видимое сильное действо и себе немалую из того опасность, зело тайно и хитро прикинув, и тако возбудило другую противную факцию под именем тогож Государя *Царевича Иоанна Алексеевича*, то есть родную его сестру *Царевну Софию Алексеевну* великаго ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненную Деву, которая одно Матерняя с ним вышеименованным Государем Царевичем была от благоверной Государыни Царицы и Великия Княгини *Марьи Ильиничны* и всея России блаженныя памяти, из фамилии господ Милославских: и хотя всемерно онагож брата своего *Царевича Иоанна Алексеевича* вид, от самаго его младенчества по тяжким скорьбям повсядневно безпрестано утружденнаго и поврежденнаго весьма быть, не токмо непрочнаго, но и по виду тому недолголетнаго она Царевна совершенно знала, что никакими образы помыслить было никому не возможно, что бы ему Высокопомлнутому Царевичу за теми своими многообразными болезнями свободно и возможно было той Великой Всероссийской Империи Государственной Короны скипетр и бремя к правлению всенародному на себя принять, и тягостной оной труд снести; однакож то сродная в человечестве ненависть, Еввиным яблоком сладолюбия и любочестия вкорененная Ея Высочество зелолакомо усладила и обольстила ниже последующия к своей стороне полезныя принять иныя меры сих ради причин.

Первую под тем ея чаянием, что бы возвыся его брата своего Государя *Царевича Иоанна Алексеевича* на Царство, потом вскоре совокупить браком, и по будущему от него мужеска полу наследию, яко по линии того первенства всемерно впредь Державою своего пред Высокопомянутым Его Царским Величеством при той Всероссийской Короне непозыблемо утвердились.

Вторую по властолюбному снискательству великаго Царевича любочестию неукротимое намерение принуждало, что хотя бы не посвидетельству его брата ея вышеименованнаго Царевича Государственному правлению, но токмо по оной Царской ступени первенства онаго всячески потщится вскоре на Царское возвысить достоинство, якобы по древнему примеру восточнаго Греческаго Императора *Феодосия* юнаго, при котором сестра его *Царевна Пулхерия* самовластвовала больше того самаго Царя под его именем, о чем, истории Цесарства Греческаго точнее объявят.

Наипаче же то рачение онаго властолюбнаго Ея Высочества нрава неусыпно возбуждало, что бы под великим благополучием державнаго имяни, егож брата своего Государя Царевича Государствовала и скипетр Всероссийския Империи Самодержавно правила, многих же тогда бывших одноматерних сестр своих Государынь Царевен во всех произволах их и во всяком избытке нерушимо всегда соблюла.

Третья же причина паче всех тех еще Ея Высочеству и всенужнейшее к великому впрядь было опасение, которое внутреннею совестию непрестанно Ея Высочество угрызало, остерегая себя и других сестр своих Государынь и Царевен, тогда же от стороны Его Государя *Царя Петра Алексеевича* и Матери, своей же мачихи Государыни *Царицы Наталии Кириловны*, произшедшей из фамилии господ Нарышкиных, чаемых им всегда противных случаев: понеже обоих Высокопомянутыя Величества при Царствовании Государя *Царя Θεодора Алексеевича* вся Россия брата Ея Царевнина, коварными смятении, наносными лжами и невинными клеветами от злодейственных и ненавистных к дому их Царскому, тогда бывших временников во всяком гонении и унижении были, то есть в том же злополучии господ Нарышкины Ея Государыни *Царицы Наталии Кириловны* Отец, Родныя братья и прочия, також и ближних бояр и иных знатных особ, как верными своими службами, так и причиною свойства к тому их Царскому причастныя до конца озлоблены и невинно всего своего

движимаго и недвижимаго многотысячнаго имения лишены без милости, разорены и в дальния заточения разосланы были; что бы при том благополучном Царствовании Его Государя *Царя Петра Алексеевича* и Матери Его Государыни *Царицы Наталии Кириловны*, не произошло тогда скорее и Государыням Царевнам к истинному ими от высокопомянутой стороны Царской отмщению достойное воздаяние. Однакож в то время она вышепомянутая Царевна за твердым забралом и за крепкою обороною вышепомянутого палатнаго чина, и всего многонароднаго дворянства, присоединеннаго непоколебимо к той вышеозначенной стороне Царской до того своего властолюбиваго правления и до изследования по вышеозначенному Ея Царевнину намерению достигнуть отнюдь не могла.

К той же немолчной ненависти из матери, вшедшая искра в Ея Царевнино сердце вельми скрытно тлилася, по содержанию у себя самага великаго и зело глубокаго в кабинете том секрета, и оное секретное действо чрез давныя и вельми хитрыя от Двора Ея Царевнина политическия манеры и интриги или пронырства, и чрез злокозненных тоя фоваритов или временников тайно действие происходило, о чем подлиннее в своем местесеи истории изяснено будет. К произысканию вышереченному главной способ и благополучной со временем открылся путь, и самое благовремянство к начинанию намереннаго дела того скоро уже подался подвиг: ибо по кончине Государя *Царя Θεодора Алексеевича*, брата Царевны *Софии Алексеевны*, многие из Московских стрельцов полки за нечастыми службами, за безпрестанным и гораздо прибыльным себе внутрь самой Москвы в Китае, в белом и земляном городех их житьем вольными слободами, и за нерегулярным обучением воинским тогда бывшим, от незаобычных и ко всегдашнему лакомству и прибыли своих с ними стрельцов алчных командиров, под полковников правлением, они стрельцы всемерно тогда уклонились в чрезмерные свои купеческие промыслы, покупя себе везде в рядах знатных многочисленныя лавки, от чего всемерно обогатились, и из прибытков тех своих по неслыханному во всей Европе солдатам такому порядку, отменилися из стрельцов в купцы. Всегда в том упражнялися по всевременным пьянствам и от того без начальства, навывкли уже всякаго своевольства и непорядка, и всегдашним темЪ своим продерзостям.

Неудовольствуясь же такими вышеписанными своими избытками, еще в пуция и горшия того вверглися своеволия, потом же и великое самое безстрашие пришли, и сделали себя так самовольными, властными как бы некоторую особую в то время составили свою республику или речь посполитую, забыв все свое подданство и службы, ту надлежащую им повинность со дня на день от подначальнаго в команде прежде бывшаго над ними начальства, как бы самосудцами быть они решились.

После того под некоторыми своими притворными и ложными вымыслами, яко бы за учиненныя им стрельцам от тех командиров их полковников тягостныя обиды и нападки стали уже самих их полковников всемерно уничтожать, ругать и отмщением жестоким

озлобительно им угрожать: в ту же пору уже они стрельцы прямое свое послушание и во все противности дошли.

Повод онаго своевольства их тогда с начала допустил денно и ночно при своих стрелецких сезжих избах повсядневно многолюдными шайками в круга подобные Донским Козакам собираться; учиненной же им особой ради собственных их расправ всех стрелецкой приказ, и бывших тогда в нем их управителей бояр, Князь Юрья Алексеевича, и сына его Князь Михайла Юрьевича Долгоруких, ни вочто ставить и за посмешество вменять и бедством им самим грозить; из чего всего стрельцы до такой злой продерзостисвоей уже пришли, что по приезде некоторых полков своих к сезжим их избам, начали от себя палками на них бросать и камнем метать и сквернословить их, что едва тогда они полковники живот свой от них стрельцов уходя спасали, совершенное же и во всем безстрашное самонаачальство их стрелецкое с того времени злой самой и безчеловечной наглости с великою смелостию от них умножилось, о чем после известно будет.

Тех онаго тиранства и чуждых Христианства злостей и самосуднаго нечестиваго варварства в Царствующей столице Москве перьвое оным и предверие видимое совозмущение уже публично во многих их стрелецких полках объявилось под самым скрытным у них коварством, что они стрельцы зная в тех полках своих пятидесятников, пятисотных, десятников истинных и других умных и заслуженных людей, которыеб всегда смело уняли их и не допустили ни до каких злых дел, как уже те усмотрели вышепоказанныя начатыя тогда от них стрельцов своевольныя неистовства по должности своей прежней начальническою рукою остро тогдаж от тех всех злых дел воздерживали и обличали; тех оныя стрельцы, в ту же самую пору самосудно кругами собрався, как бы на долу и нагло, ухватя из съезжих своих изб, выводили на самыя высокия каланчи, то есть на караульныя, и взяв за руки и за ноги, размахавши, на землю сверху так безчеловечно и жестокосердно бросали и радуясь тому всенародно кричали все по тогдашней их пословице: любо, любо, любо; что ни один человек из тех побитых не нашелся целым; какому их безбожному человекоубийству ни в самом злочестивом Государстве Турецком пример подобной тому не нашелся.

Они же злонамеренные стрельцы по отлучении от себя тех главных и нарочитых людей добрых побиением своим и вступя в совершенное самовластие и в полную свободу свою, стали уже озираться и трепетать обжидаемаго к себе впредь жестокаго уему и пресечения всем бывшим их самонаачальным тем своевольствам от Высочайшей Державы Царствующаго Государя *Царя Петра Алексеевича* всея России; и всемерно предуведали, что оный Монарх крепкая всей России надежда и опора, те пагубныя их соньмища и плевелы изтребит.

В том ожидаемом себе страхе они стрельцы безпокойно волнуясь, почали сами безопасной пристани себе искать и тайные сходы и советы между собою почасту иметь, в которых многие из них стрелецкие полки накрепко утвердились: содержать неотменносторону большаго *Царевича Иоанна Алексеевича* и стоять за него верно; однакож не все полки сперьва были к той помянутой стороне склонными и единомышленными; и шатаясь, еще хромая на обе колени, хотя при том времени их стрельцов было в Москве, состоящих в 14198 человеках из девяти полков.

Все те вышепомянутыя скрытныя их стрелецкия сходьбища и думные секреты благоприятно в отворенную и готову дверь кабинета того высокаго вошли в такое подобное и вожденное время, что обятием Матерним благоприятно были, о чем всяк благоразсудной муж по течению сей истории легко разсудить может: ибо оная помянутая Царевна во всю жизнь свою никогда такой себе пользы благополучной получить отнюдь не могла.

Того стрелецкаго открытаго Ей Царевне намерения всеполезная оная весть была, как бы прежде ветвь от древней голубицы из потопа в Ноев ковчег принесенная, которая подала безсумнительную и твердую помянутой Царевне надежду подкрепить от стороны

своей удобныя и действительныя самыя меры и не умедля сообщиться во единомыслие их стрелецкое; но каким бы образом совершить оное намеренное свое желание Ея Высочество от многих своих мыслей зело обезпокоена была, то есть: сперва будет ли к себе явно на разговоры допускать по несколько из них выборных стрельцов, та ведомость от стороны Царской утаиться бы отнюдь не могла, и чтоб о том уздав конечно все пристойныя к тому учреждению предосторожности были приняты; будет же Ея Высочеству тайно в своей особе для такова дела будет по полкам к ним стрельцам ходить, в те поры по старому чину Царскаго Дому лицам их Царевниным чиновное поведение и великой позор до того не допускали; если же оставить готовой и благовременной случай, то неутолимая жажда свыше объявленнаго властолюбия немедленно нудила без упущения удобнаго времени к неукоснительному совершению всего того скоропостижнаго Ея намерения исполнить то.

Того ради не продолжая по пословице народной тако: молот вскоре нашелся, когда то железо кипело им ковать: то есть, сперва того великаго своего кабинетнаго секрета ключь поручен с полномочным кредитом всенадежному свойственнику, тогда бывшему в боярех Ивану Михайловичу Милославскому, мужу прехитру и зело коварну в обольщениях характеру, по Христианству же о законе и о должности веры Христовы самому невежде, токмо к тому ж на всякия человеком пакости злообычному и в злобах лютому супостату по площадному прозвищу названному, который и делом самым тогда в смерть из живота подорвал.

Скорпион оной радостно с охотным тщанием готовый свой яд стал изливать, прибрав в претор или в совет ко общей альянции своей, то есть союзу, сродника своего из комнатных людей Александра Ивановича Милославскаго, злодейственнаго и самага грубиана и двух братьей родных по свойству себе племянников и стольников, видом и делом великих, себеж конфрацетов или откровенных друзей, Ивана и Петра Андреевых детей Толстых, в уме зело острых и великаго пронырства и мрачнаго зла в тайных исполненных и себе во всем единомысленных по народному назвищу Шарпчиков, которые в сообщение той же компании присоединены были; и с ними же из стрелецких бывших тогда подполковников: Иван Елисеев сын Цыклер из плохих кормовой иноземец, Иван Григорьев сын Озеров из подлаго дворянства, во всем ему Ивану Михайловичу и вышепомянутым сообщникам его благоугодные; особливо же тот Цыклер, коварный, злокозненный человек и всякаго рода хитростей на злодейства исполнен был. Лукавый тот семедрин, то есть собранной уже совет, сложившийся на неповинную Христианскую кровь, прежде умыслил тайную пересылку по временами всех Московских полков с знатными стрельцами иметь, потом же с ними чаще видеться и обсылаться чрез вышеименованных советников его Милославскаго, что бы ему по природному в нем бывшему и скрытному лукавству персонально никакова приличия и видимой причины и подозрения на себя не подать внезапно; он притворился затейною болезнию, и чрез многое время с двора своего не сезжал, и по обычаю, приезжих людей никого к себе не допускал, отказывая всем, чтоб ему тогда теми же вышепоказанными клеветы и советниками своими порученное ему то дело без всякаго замешательства не укоснительно в целое совершенство привести и щастливо окончить....

Но по ревностном и скором и на самом деле уже тогда весьма сысканном властолюбии, объявилось содержание действительным; ибо к споможению Государственнаго Их обеих Величеств, правления *Царевна София Алексеевна* вступила, и в скором времени по том умалися прежнее Самодержавие *Царицы Государыни Наталии Кириловны* публично, яко бы третья царствующая и правящая общим скипетром того Российская Империя особо сидением своим во всех полатных советах с сильным своим Монаршеской Державы повелением присутствовала. Она же Царевна тогдаж по милостивому обещанию своему полков всех стрельцов многою прибавкою денежнаго им жалованья перед прежнею дачею удовольствовалась, и их выборным людям явно ко входу своему позволяла приступ, и всякими прибыльными словами им доходы обогатила и

великую честь над ними выборными превозходнее и вернее всего дворянства вела, что они стрельцы всех Царских достоинств и всяких особ уничтожа в мнимом их совершенном безопасении и в крепкой надежде себя основали.

В те же поры стрелецкие полки утверждая то бунтовское воровство свое и будущей предосторожности своей учиненную ту злую причину вскоре просили о дозволении, что бы им стрельцам на той красной площади и на том месте, где тех неповинных убиенных бояр и других знатных особ разсеченных тела лежали, построить каменной высокой столб и ложные их и составно вымышленные со всех четырех сторон на великих жестяных листах крупными самыми уставными литерами написать, будто бы ко оправданию их стрелецкому и к показанию прямой в том правды и ради очистки и всенародного о том ведома о тех винах их боярских столб тот указом ея Царевниным был позволен, и та ево архитектура к созданию оному тогда поручена была ниже стрелецким собеседником тайным подполковникам Цыклеру и Озерову, которые вскоре с великим поспешением оное делали на тех же жестяных листах, всякого убиенного от них стрелецкого бунту боярина и знатной особы под именем порабынь, самые фальшивые и лжесвидетельствованные написали их вины на тот на вышепомянутой столб по Вавилонскому примеру; как учинился, так по том разломан был и исчез, и по некоторых летех на том же отмщением истинных Божиих судеб на высоком каменном столбе тому Цыклеру воздаяние не укосило, о чем ниже покажется<...>

Царевна же София Алексеевна издалека бодрственно смотря, что Монарх сей в великом целомудрии и с чрезвычайными талантами рожден был, и прикрывал в себе от самой младой юности разум проницательной и памятной, и что по неописанной глубине остроты своей исследовать имеет в предбудущия зело великия намерения ея весьма предумудрительно и осторожно, и ведая неукротимо, что по вышписанным злопагубным делам мятежников от Его Царскаго Величества незабвенно отмщение достойное не минет, всячески уже мыслила к надежному своему впредь утверждению и ко избытию тех последований от стороны Его Царской всячески принимать благополучныя и безопасныя себе меры. Того ради при своей начатой властолюбивой Державе, Она Царевна избрала из розряду Дьяка Ѳедора Щегловитаго, великаго лукавства и ума человека безсовестна, и пожаловала его в думные Дьяки, и на место Князей Хованских поручила ему стрелецкой приказ, и все тайны и секреты свои между себя и стрелецких полков к будущим намерениям ко обороне своей открыла, и в великой содержала его при себе верности, а потом уже он Щегловитой в скором времени до палатной окольнической чести по крайней ея к себе Царевниной милости произведен, вотчинами и богатством и дачею в Белом городе на улице Знаменке отписным двором Князя Андрея Хованскаго удовольствован и обогащен был, и намеренныя злыя дела на сторону Его Государя *Царя Петра Алексеевича* в пользу Ея Царевны совершить намерился, о чем на своем месте подлиннее изявлено будет.

По том в тоже время боярин Князь Василей Васильевич Голицын вступил в великую Ея Царевнину и в крайнюю к ней милость, и для управления Государственных и иностранных дел повелено ему ведать посольской приказ, и писать имя его везде ближним боярином Новгородским наместником и Государственных посольских дел и Государственной большой печати оберегателем. Но однакож в прямом всех тайных Ея Царевнинных дел секрете скрытно самым видом, особливо же в советах стрелецких всегда предковал Щегловитой.

В теж часы с умною предосторожностью разсмотря он боярин Князь Голицын самое крепкое стороны Его Государя *Царя Петра Алексеевича* и впредь прочное основание и будущей Державы Его Величества; и на супротив того по всем бывшим тогда и явно видимым от стороны Царевниной зело противным делам непрочно есть, себе же из того предвидя впредь весьма слабую надежду, под видом политическим уже приготавливал себе путь, как бы от того бедственного ему угрожаемого упадка какими случаи безбедно удалиться, и другаго лучшаго к тому и безподозрительнаго себе он боярин Князь Голицын

способа не нашел, токмо что бы куды в поход военной отрешиться и не прогневать Ея Царевнину волю.

В лето 7195 по постановлении вечного мира с Короною Польскою, повелела вышеозначенная Царевна собрать многочисленное войско, и послать на Крымского Хана войною, дворцовым же воеводою в большом полку быть тогда сказано ему боярину Князю Василью Васильевичу Голицыну, и в сходных с ним воеводах с Новгородским разрядом боярину Алексею Семеновичу Шеину; с Белогородскими полками боярину Борису Петровичу Шереметьеву; с Рязанским разрядом боярину Князь Володимеру Дмитриевичу Долгорукову, да Черкасскому Гетману Ивану Семеновичу (по Казацкому назвищу) Попейну совсем Малороссийским войском.

В том походе пришедши оные воеводы за реку Самару хотели в Крыму Татарския юрты разорить. Они же Татара увидя многороссийское войско, на войну не вышедши, в степях зажгли траву, которой от сожжения також и от ядовитыя той степной пожженной пыли, и дыму многая теснота и тягость Российскому войску припала; и от безкормицы за лишением травы и воды, лошадям учинился великой урон. От чего поворотясь Российское войско пришло на реку Самару без всякаго из той чаемой себе войны поиску.

При том походе в Украинских местах безчисленная саранча нападши хлеб пожрала, и доходила до Москвы, и недалече исчезла вскоре.

При оной вышепомянутой армии великой, или войске, тогдаж некоторые от старшин Черкасских возненавидя Гетмана своего Ивана Семеновича оклеветали его дворцовому воеводе Князю Голицыну, будто он Гетман посылал в Крым, о чем помянутый воевода несклонный к нему Гетману писал на него Царскому Величеству в Москву, и по указу присланному тогда из Москвы велено Гетмана онаго от Гетманства того отставя послать в Сибирь в ссылку, а Гетманом на прежнее место вчинил он Князь Голицын Генеральнаго есаула Ивана Мазепу, (которой видом уподобился древнему Иуде, по том во время Шведской войны Его Царскому Величеству изменя проклятою и ужасною исчез кончиною) о чем уже есть известно. Воеводаж и воинские люди возвратились в дома свои тщетно. И тогож лета построена для предосторожности впредь от набегов Орды на реке Самаре крепость, и названа Богородицким.

В тоже лето Божие Всемогущество Христианския нивы хлебом со многим удовольствием милосердо угодзило. Ибо в Москве четверть ржи покупали ценою тогда по четыре алтына, овса по семи копеек.

Всепресветлейший же Государь *Царь Петр Алексеевич* от времени до времени из юнаго своего возраста в большия лета приходя неусыпными своими добрыми очьми смотрел на властолюбивое возхищение сущей законной Державы своей, и правление то свое перед правлением *Софии Алексеевны* нестерпел больше меньшим быти, и до самовластной горшей ее воли так дерзновенно впредь допускать, и великой силе по хотению Ея Царевнину разпространяться. Того ради вскоре тогдаж начал сам в дома входить, где в палате Она Царевна и бояра собирались, и думали о управлении Государственном. Тогож лета Июля 8 отправлялся соборной крестнойход в церковь Богородицы, явлению образа ея бывшу в Казани, в котором ходу по древнему обычаю присутствовали Великие Государи Цари, и пришедши в соборную церковь успенскую стали оба на своем Царском месте.

Пришла же тогда в ту пору и она Царевна из соборныя церкви за святыми иконы; при том же ходе с Их Царскими Величества чрезвычайно пошла вместе чином и Она Царевна публично. Государь же *Царь Петр Алексеевич* увидя то сказал ей, что неприлично при, той церемонии зазорному ея лицу и за необыкновением быть; но она в том исполнила по своей воле. Того ради он Государь *Царь Петр Алексеевич* за святыми иконы вместе с нею не пошел, но вступил в церковь Архангела Михайла, и пошел в село Коломенское. Царевнаж о том его братнее обявление увидев, впала в немалое мнение.

Рвенней же ярости и неукротимой злобы пременяющей разума подвиг уже в злопагубных промыслах за вышеписанныя Царскаго Величества показанныя выше сего ей

Царевне причины ко скорому отмщению ускоряла. И тогож месяца Августа в перьвых числах в Кремль у Никольских ворот на дворе, тогда называемом Лыков, (где ныне цехгаус, то есть, пушечной каменной двор построен) поздно по ночамчрез пересылки тайныя с Ѳедором Щегловитым изо всех стрелецких полков выборные по несколько человек надежных их стрельцов собиралось для некотораго самага злаго намерения их, коего исполнение и тот секрет их за присяжную верностию у них вельми крепко и скрытно был содержан, что никому отнюдь уведомить того было не возможно.

Государь же *Царь Петр Алексеевичь* вместе с матерью своею и совсем Царским Своим Домом из того села Коломенскаго в тех же самых числах поворотятся, и мало побыв в Москве, пошел в село Преображенское.

Августа Месяца против 8 числа внезапно в глубокую самую ночь из тех соньмищ стрелецких с Лыкова двора наскоро прибежали в то село Преображенское из Стремяннаго полку знатные четыре человека, а имянно: Ипат, Ульфов, Дмитрий, Мелков с товарищи, и с великим поспешением донесли Его Высокопомянутому Величеству, что уже разных полков стрельцы собрався в Кремле на том Лыкове дворе с ружьем намерены за ними тотчас итти в помянутое село по совету Щегловитаго бунтом, и убить его Царя и Матерь его и Супругу его Царицу ж и Сестру его Царевну и всех знатных при его Величестве Особ, и чтоб ни часу не мешкав изволили Их Величества наскоро итти, и спасти себя, куда за благо разсудят.

Услышав о том стрелецком воровском умысле они Высокоименованныя Величества в самыя короткия часы, ночью собрався налегке без ведома всех походных бояр и ближних людей и стольников бывших тогда, покинув все, с малолюдством самым наскоро в Троицкой Сергиев монастырь побежали, и туды пришли, о чем тогда никто неведал. И многие бояра, и ближние люди, уздав о том, в самой же скорости за Их Величества в тот Троицкой поход из Москвы последовали. В ту же пору из Сухарева полку стрельцы Их же Велиществ верные с поспешением великим за ними побежали, и не во многия часы в Троицкой монастырь прибыли.

Вышеименованная же Царевна, о незапном шествии Их Царском уздав, наипаче тяжко совестию утесняема, по премногу начала быть во многом смущении, и ближние ея люди и стрельцы в великом страхе, увидя зело тайное их бывшее намерение на среду вынесенное, и им последование весьма уже злополучное.

По том его Высокопомянутое Царское Величество указал всем боярам, царедворцам, полковникам Московским, и всех городов всякаго служилаго чина людем к Нему Государю из Москвы во оной Троицкой монастырь быть в крайней скорости; что учинилось без замедления, кроме некоторых бояр, Князя Голицына, и других содержащихся палатных людей при стороне Ея Царевниной, которые по том вскорез указом позваны были.

Увидя она Царевна все то видимое себе и при Ея стороне ближним людем следующее нещастие, просила Святейшаго Патриарха, что бы он в Троицкой монастырь пошел, и у Его Царскаго Величества просил, чтоб гнев Его и все бывшия ссоры уничтожились.

По оному прошению Ея, Патриарх в монастырь тот пошед, уведомился там совершенно о злом том стрелецком умысле по навождению Щегловитаго и прочих с ним сообщников, что они намерены учинить; и для того оттуды уже в Москву не возвратился, и пробыл с Его Царским Величеством в монастыре том до самага Его возврата непоколебимо, и во всем содержал Его Царскую сторону, уклоняся от той стороны противной.

Времяни же ко всемерному злополучию Ея Царевны уже близ сущему нечаемо, отчаянно Она *Царевна София Алексеевна* с некоторыми из сестр своих взяв на руки своя икону Спасителю, яко бы объявляя тем пред светом и всем народом свою невинность и напрасной на себя Царской гнев, пошла из Москвы во оной Троицкой монастырь с

чиновным походом, и прибыв в село Воздвиженское там стала с безотложным намерением своим, кончая в тот монастырь идти, и видаться с Его Царским Величеством.

О вышеименованном том походе из села Воздвиженскаго весть тогож часу донесена была, по которой ни мало не медля от лица Его Царскаго Величества послан был наскоро из комнатных стольников Иван Иванов сын Бутурлин, и говорил Ей Царевне, что бы она в тот монастырь отнюдь не ходила, но Она Царевна в том упорно стоя, в ответ сказала ему Бутурлину, что она конечно идет.

Комнатной вышеименованной стольник учиненную от ней Царевны ему отповедь Его Царскому Величеству подлинно донес, и по том еще послан был к ней же Царевне в село Воздвиженсксе боярин Князь Иван Борисов Троеуков с последним словом, что бы Она Царевна никак отнюдь в Троицкой монастырь не шла; ежели же дерзновенно придет, то с нею нечестно в тот Ея приход поступлено будет.

По той обсылке услыша Она Царевна ведомость ту несходную с Ея желанием, зело постыдно с великою печалию в самой скорости назад из помянутаго села поворотилась в Москву. По том же времяни вскоре к ней же Царевне послан из бояр Петр Васильевич меньшей Шереметев и с ним стрелецкой подполковник Иван Нечаев, что бы Она, неотговариваясь ни чем, вора Щегловитаго им отдала. Еще же с ним боярином Шереметевым особой приказ к Государю *Царю Иоанну Алексеевичу*.

Хотя Она *Царевна София Алексеевна* всякими человеческими уму постижными отговорками выручая его Щегловитаго, яко бы сущюю его во всем невинность, и ложной на него пронос, тогда в своих хоромех тайно его Щегловитаго всячески укрывала: однакож велела в запас всех христианских таинств его сподобить. В тот же самой час от него Государя *Царя Иоанна Алексеевича* прислан был к ней Царевне *Софии Алексеевне* Дьяк Ее боярин Князь Петр Иванович Прозоровской в крепких словах говорить Ей, что бы Она, напрасно больше не отговариваясь отнюдь ничем, того Щегловитаго во властныя руки тому присланному подполковнику Нечаеву вместе с другими стрельцами воровству тому сообщники отдать велела; ибо Он Государь *Царь Иоанн Алексеевич*, ни в чем, и ни для Ее Царевны, с любезным братом, а не токмо для такого вора Щегловитаго, ссориться не будет.

Тогда увидев Она Царевна прямую стороны своей упадлую слабость и крайнее безмочество, и что никакими уже меры у себя ево Щегловитаго удержать Ей было не возможно, принуждена Она с великими слезами его Щегловитаго и сообщников ево в руки вышеименованному подполковнику отдать.

По малых днях он подполковник ево вора Щегловитаго и сообщников ево воров же полковника Семена Юрьева сына Резанова, из выборных стрельцов Оброську Петрова и Куську Чермнаго с прочими в монастырь тот за крепким караулом привез, в которой привоз его в тот монастырь у ворот безчисленное собрание народу было, и пыль такая встала, что едва возможно было в той одному другого видеть; и та встреча была ему Щегловитому от народа с великими угрозами и ругательством.

В монастыре оном тогда тогож дня все бояра и палатные люди на дворце в собрании были. Тотчас по привозе за великим караулом оной Щегловитов в Царския палаты приведен, и пред боярами спрашиван, и на воловьем монастырском дворе жестоко пытан, и по избличению с очных ставок не токмо во всем вышепоказанном воровства своего умысле винился, но и по том все обстоятельства всех своих бывших намеренных воровских дел своею рукою написав, подал. Токмо зелоудивительно всем показалось затмение ево ума; когда он Щегловитой перед бояры по пытке с дыбы был снят, просил у них бояр, что бы его велели накормить, понеже несколько дней уже не ел.

В коротком том же времени по приговору боярскому за те воровския его поступки на площади близ монастыря, что к Московской дороге, он Щегловитой, по прочтении громогласном от Думнаго Дьяка Гаврилы Деревнина тех его всех вин, никакова слова к оправданию своему он Щегловитой не учиня, казнен смертию. Отсечена ему голова, при которой казнь и сказке стоял тогда боярин Борис Васильевич Бутурлин.

С ним же Щегловитым в ту же пору казнены смертью выборные из разных полков стрельцы, а имянно: Оброська Петров с товарищи. Отсечены им головыж. Конечно из тех памяти годно и пристойно есть то, что Оброська Петров зело прямодушно учинил; ибо к той казни шедши дерзновенно при своем прошении перед всем народом голосно со слезами о тех воровских своих винах чистое покаяние свое приносил, объявляя подлинно, что поистинне он такой поносной смерти достоин, и что бы другие, на его смерть смотря, явно казнились, и впредь от такого погибельного случая и от действия себя оберегали.